
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ЦЕННОСТНОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО МИРОУСТРОЙСТВА: ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Я. С. Яскевич

Анализируются философско-методологические основания мирового кризиса, механизмы институциональных преобразований современного общества, раскрываются статус нравственных ценностей в глобализирующемся мире, сущность антропологического поворота в современной науке, экономике, политике. Показывается, что глобальный финансово-экономический кризис во многом является кризисом системы духовных ценностей в угоду материальным. Для преодоления комплекса социально-экономических проблем, выявления роли свободного рынка, глобальных финансовых структур необходимо ценностно-революционное переосмысление современного мироустройства, отказ от эгоистических устремлений и силового отношения к человеку, природе, обществу.

В переломные моменты истории, как это происходит в современную эпоху глобального кризиса, обостряется философско-методологическая рефлексия в различных ее измерениях – от повседневности до науки, от локального к глобальному, от национального к мировому уровню, ибо возникает проблема радикального пересмотра системы ценностей, убеждений, исторически сложившихся стереотипов общепризнанного знания, социального действия, а значит, мировоззренческих оснований и приоритетов человека и человечества в целом. Без новых идей невозможно появление новых социально-экономических отношений и стратегий выхода из кризиса.

Процессы, протекающие на современной мировой экономической сцене, волнуют сегодня ученых, политиков, бизнесменов, актуализируя вопросы о предпосылках и причинах кризиса, негативных последствиях планетарного масштаба, путях его преодоления и выхода на новый виток развития. Учитывая беспрецедентность современного кризиса, развертывание его в несопоставимых с Великой депрессией условиях, необходимо выявить философско-методологические основания этого процесса, механизмы институциональных преобразований современного общества, статус нравственных ценностей, либеральных догм и принципов и т. п., что, несомненно, требует междисциплинарного нелинейного подхода. Именно к такому философскому разговору о мировом кризисе, скором или отдаленном выходе из него призывает А. Н. Чумаков¹.

Маркетизация системы ценностей в глобализирующемся мире

---

¹ Чумаков, А. Н. Диалектика кризиса // Вестник РФО. – 2008. – № 4. – С. 8–14. (Chumakov, A. N. Dialectics of the crisis // The Bulletin of the Russian Philosophical Society. – 2008. – No. 4. – Pp. 8–14).

Глобальный финансово-экономический кризис во многом является кризисом системы духовных ценностей, пренебрежения ими в угоду материальных ценностей и модели процветания, о чем писали начиная с 80-х гг. XX в. Д. Белл, Э. Тоффлер, В. С. Степин, В. Л. Иноземцев и др. Подчеркивалось, что ориентация на приоритеты материального богатства и выгоды не решает все проблемы западного общества. «Ценностная система капитализма, – замечает Д. Белл, – воспроизводит идеи благочестия, но сейчас они стали пустыми, ибо противоречат реальности – гедонистическому образу жизни, насаждаемому самой системой. Постиндустриальное общество не в состоянии обеспечить трансцендентальную этику, кроме как тем немногим, кто посвятил себя служению науке»².

Призывы к пересмотру сложившихся в лоне западной цивилизации системы ценностей с установками на материальные блага, силового отношения к природе, человеку, обществу, необходимости их адаптации к потребностям и запросам постиндустриального информационного общества не были услышаны и реализованы. Более того, власть материального над духовным, личного обогащения «влиятельных» мира сего и отдельных государств через средства массовой информации становились соответствующим зовущим ориентиром для массового общества.

Массовая культура и безудержно развивающаяся рыночная экономика, как отмечает Г. Л. Тульчинский, парадоксальным образом реализовали проект Просвещения и его гуманистический лозунг: «Все на благо человека, все во имя человека» и программу «всевозрастающего удовлетворения всевозрастающих потребностей». *Маркетизация как принцип ценностной координации массовой культуры приводит к унификации социальных, экономических, межличностных отношений на основе рыночного спроса и рыночной цены*, ибо все, что возникает, опредмечивается в массовом обществе, должно пользоваться спросом на рынке. Сама по себе массовая культура ни плоха, ни хороша, она является порождением индустриального общества и урбанистического образа жизни, выполняя при этом разнообразные социальные функции по социализации личности в условиях постиндустриальной цивилизации, стандартизации интересов, потребностей, ценностно-смыслового восприятия реальности, регуляции психического и нравственного сознания. В то же время массовая культура в силу выполняемых ею функций приводит к ценностному релятивизму, нивелированию, маркетизации, прагматизации системы ценностей, экспансии потребительских установок.

Поскольку массовая культура в силу более раннего вступления в нее американского общества с его чистой моделью капиталистической экономики и демократии стала явлением общественной жизни раньше, чем в других странах, а также благодаря привлекательности продуктов массовой культуры, наступил довольно значительный период трансляции «американизма», пресловутого американского образа жизни, хотя и в самой Америке наблюдается противостояние ценностей традиционной американской культуры («одноэтажная Америка») и массового общества (с символом «калифорнизации»)». Завышенное материальное потребление, не обусловленное необходимым производством, широко пропагандируемый образ жизни в кредит не могли не привести к снижению уровня устойчивости американской экономики, снижению доли сбережений населения (в 1998 г. эта доля достигла

² Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 1999. – С. 651. (Bell, D. the coming of post-industrial society. A venture of social forecasting. – Moscow, 1999. – P. 651).

³ Тульчинский, Г. Л. Массовая культура как воплощение гуманизма Просвещения, или почему российское общество самое массовое // Философские науки. – 2008. – № 10. – С. 38–45. (Tulchinsky, G. L. Mass culture as an embodiment of Humanism of Enlightenment, or why is the Russian society the most mass // Philosophical Sciences. – 2008. – No. 10. – Pp. 38–45).

отрицательного значения), к растущей задолженности и неплатежеспособности населения перед финансовыми институтами.

В 2001 г. США смогли вытащить свою экономику из депрессии за счет использования, во-первых, стратегии экспорта нестабильности, роста военных расходов в самих Штатах и притока капиталов и интеллекта в свою страну, во-вторых, за счет использования стратегии «накачки» рынка безвозвратными ипотечными кредитами, которая выступала и формой социальной помощи. И первая стратегия, реализовавшая себя сначала в Югославии, затем в Ираке и Пакистане, и вторая стратегия с созданным ею финансовым пузырем и последующей агонией оказались контрпродуктивными для экономического развития США, став катализатором глобального кризиса и «экспорта хаоса»⁴.

Подобно «осевой эпохе», ознаменовавшей начало всемирной истории, когда независимо друг от друга в различных местах – в Индии, Китае, Персии, Палестине, Древней Греции – рождаются мировые религии, философия, пробуждается метафизическая рефлексия и возникают духовные движения, *сегодня человечество с неотвратимостью приблизилось к «современной осевой эпохе», когда для его выживания требуются обновленные нравственные ориентиры и духовные ценности.*

Быстро развивающаяся, динамичная и агрессивная техногенная цивилизация с ее устремленностью ко всему новому, нетрадиционному, с ярко выраженным индивидуализмом свободной личности, с деятельностным преобразовательным вектором по отношению к природному и социальному миру оказала мощнейшее влияние на все мировые очаги цивилизаций⁵.

На фоне глобального кризиса возникает *проблема взаимоотношения глобального и национального, сохранения национальных приоритетов.* Некоторые исследователи утверждают, что подобно тому, как в Новое время становлению и развитию национальных государств способствовал локальный этнизм (национализм), идентификация граждан осуществлялась через национальное сознание и культурную принадлежность к нации, современная глобализация унифицирует национализм и приведет к «постнациональному самопониманию политического целого», «постнациональному обществу» (Ю. Хабермас). При этом *национализму придается чисто гражданская форма, возлагается надежда на некую вненациональную всеобщую политическую культуру, которая позволит перестроить солидарность граждан «на абстрактной основе конституционного патриотизма», не прибегая к ментальной укорененности в нации, истории и жертвам национально-культурной идентичности.* Такая альтернатива «концу политики» реализуется по «мере создания наднациональных дееспособных акторов, подобных Европе», а граждане Евросоюза с целью гражданской солидарности должны, невзирая на национальные границы, научиться признавать друг друга в качестве одной и той же государственно-политической системы⁶.

Толерантный сценарий разрешения противоречий глобализации и национализма предлагает и Ульрих Бек в своей *концепции «космополитического государства», становлении надгосударственных структур единой Европы, элиминирова-*

⁴ Делягин, М., Николаевский, В. «Экономическая зима» не шутит // Беларуская думка. – 2009. – № 1. – С. 78–81. (Delyagin, M., Nikolaevsky, V. 'Economic winter' is not kidding // Belarusian thought. – 2009. – No. 1. – Pp. 78–81).

⁵ Степин, В. С. Ценностные основы и исторические перспективы техногенной цивилизации // Социология. – 2000. – № 3. – С. 45. (Stepin, V. S. Values and historical prospects of technological civilization // Sociology. – 2000. – No. 3. – Page 45).

⁶ Хабермас, Ю. Политические работы. – М., 2005. – С. 289–293, 319–322. (Habermas, J. Political works. – Moscow, 2005. – Pp. 289–293, 319–322).

нии национального, ограничении национальных правительств, создании транснациональных структур и пространств, объединенного суверенитета. Обретение национальными государствами «космополитического характера» является, по словам Бека, «ответом на вызовы глобализации» и противостоянием этническому, религиозному и националистическому фундаментализму⁷.

Можно согласиться с авторами, которые критично относятся к концепциям «конституционного патриотизма» и «космополитического государства» как сферы благих пожеланий далекого будущего, которое, быть может, никогда не наступит, ибо «в современной действительности существует не субъект права с паспортом в кармане, а человек во всей его целостности, с его мечтами, символами, традициями – тем, что формирует его идентичность»⁸.

Альтернативные модели «объяснения Европы» рассматривают как нацию, так и национальное государство в качестве своих основных ориентиров, что же касается пророчеств о глобальной культуре, то они, по их мнению, не в состоянии учесть укорененность культур во времени и пространстве и зависимость идентичности от памяти. Чтобы мобилизовать энергию европейских граждан, необходимо рассмотреть «общевропейские традиции» и разработать миф об их происхождении, переписать историю, изобрести ритуалы и символы традиций, которые создадут новую идентичность, «новый национализм», а значит, и новый образ Чужого⁹. «Трансформация в глобальное гражданское общество» не должна быть ответом, по мнению М. Спикера, на вызовы глобализации.

При всех очевидных экономических, политических и социокультурных преимуществах глобализации относительно развитых стран для многих других они оборачиваются значительными потерями и разочарованиями. Упования на построение интегрального единого бесконфликтного человечества в рамках однополярного мира после распада мировой системы социализма оказались явно преувеличенными иллюзиями. Становится ясно, что *традиционные формы институциональной организации общемирового общежития в лице взаимодействия национальных государств столь же актуальны*. Понижение уровня общечеловеческих ценностей к началу XXI в., глобализация эгоистических и потребительских интенций на самых высоких государственных и международных уровнях выводят человечество на качественно новый этап развития. Безграничный эгоизм, подкрепленный экономическим и потребительским преимуществом, для удовлетворения своих устремлений и потребностей не останавливается перед категорическим императивом нравственности и в конце концов прибегает к самой внушительной силе – силе принуждения. Столкновение же в социуме или отдельной общественной структуре эгоистических, не освященных нравственным светом желаний приводит к кризису, в том числе глобального масштаба, как это характерно для современной ситуации.

Тотальный дисбаланс, всеобщая непримиримость, снижение императивного статуса общечеловеческих ценностей означают кризис современной миросисте-

---

⁷ Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. – М., 2007. – С. 340–342. (Beck, U. Power and its opponents in the era of globalization. New world political economy. – Moscow, 2007. – Pp. 340–342).

⁸ Гранин, Ю. Д. «Глобальное гражданство» или «глобальная этика» // Философские науки. – 2008. – № 10. – С. 16. (Granin, Yu. D. 'Global citizenship' or 'global ethics' // Philosophical Sciences. – 2008. – No. 10. – P. 16).

⁹ Смит, Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современной теории наций и национализма. – М., 2004. – С. 394–395. (Smith, E. Nationalism and modernism. Critical review of the modern theory of nations and nationalism. – Moscow, 2004. – Pp. 394–395).

мы и осознание того, что «мир никогда не будет таким, как прежде» (И. Валлерстайн). Всеобщий кризис высвечивает различные стороны его проявления в экономике, политике, экологии, науке, воспитании. Превратившись на материальном уровне в одно глобальное сообщество, человечество еще не готово к духовному единению и пониманию того факта, что мы не можем причинять вред другим, не вредя себе, что каждый отдельный человек в мире, обеспечивая свое существование за счет человечества, должен служить ему и заботиться о благе всего мира, поскольку он зависит от него (Бааль Суллам).

Категорический императив нравственности, сформулированный И. Кантом, и сегодня звучит весьма актуально. Это безусловный принцип поведения, основной закон этики, всеобщий обязательный принцип, которым должны руководствоваться все люди независимо от их происхождения и положения. Первая формулировка категорического императива напоминает «золотое правило морали», сформулированное еще в древности: «Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой». Вторая формулировка категорического императива: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом», – обращает внимание на всеобщность нравственных требований. Третья формулировка предписывает: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему как к средству». Вряд ли хоть в какой-то степени запрет на использование человека в качестве средства реализовался в современной цивилизации. Человек для Канта – всегда цель, он обладает нравственной самоценностью, нельзя низводить человека до уровня предмета, средства для достижения цели, человек – высшая ценность и цель. Сегодня, к сожалению, не только человек, но и отдельные государства выступают в качестве средства для достижения меркантильных целей. Несмотря на ригоризм, учение Канта звучит сегодня как предостережение современному человеку – нельзя уступать антинравственности никогда и ни при каких обстоятельствах. Нельзя быть «этически нейтральным» при разрешении природных и социальных катаклизмов; выход не в отказе от долга, а в соединении его с любовью, совестью, доброжелательностью, ответственностью в поиске гуманистической планетарной этики во имя того, чтобы человечество сохранило себя и высокие нравственные ценности.

Экономика, наука, политика: нравственно-антропологический поворот и междисциплинарный синтез

Одним из важнейших аспектов решения современных глобализационных процессов и возникновения нового знания все чаще выступает междисциплинарный синтез, когда полученные в одной отрасли знания и подходы включаются в качестве оснований для формирования знаний, процессов и перспектив развития в другой дисциплине. Такое взаимообогащение наук идет по линии трансляции отдельных методов, фундаментальных принципов и концептуальных средств из одной науки в другую, что приводит к коренной перестройке оснований науки, то есть к научной революции (В. С. Степин). Обмен фундаментальными принципами между различными науками приводит к изменению видения предмета конкретной науки, развитию ее понятий, к формированию общенаучных принципов и концептуальных средств, что связано с усиливающимися тенденциями к интеграции научного знания.

В последние десятилетия сформировалась четко заявившая о себе научная парадигма и практика использования экономических методов и инструментария в

области социологии, права, политики, психологии, антропологии и в других областях социально-гуманитарного знания. Реагируя на такого рода претензии, в современной методологии науки появилось концептуальное название – «экономический империализм», отражающий попытки экономистов не только использовать математические и статистические методы в экономических исследованиях, но и проникнуть с помощью эконометрических методов на территориально-предметное поле различных общественных наук. Все чаще экономические методы построения теоретических моделей и анализа данных находят применение в финансах; современные теории игр и теории контрактов микроэкономики – в исследовании контрактов корпоративного и международного права, судебных решений; экономическая парадигма рационального выбора – в оценке избирательных технологий, формирования политических институтов.

На смену классической экономической теории, считавшей, что человек ведет себя в экономике как «экономический агент» – расчетливый и эгоистичный субъект, заботящийся только о своей собственной выгоде, в современной экономике социальных взаимодействий приходит антропологический поворот, выявляющий природные механизмы формирования альтруизма, чувства справедливости и т. п. В экспериментальной экономике нейрoэкономистами доказано, что люди действительно хотя бы в некоторой степени альтруистичны и готовы платить собственные деньги за устранение несправедливости и неравенства¹⁰. Социокультурный контекст в понимании справедливости европейцами и американцами позволяет современным экономистам объяснить макроэкономические различия между Европой и Америкой. Полагая, что бедные – не лентяи, а жертвы обстоятельств и несправедливости, европейцы поддерживают высокие социальные пособия и соответственно высокие налоги, американцы же голосуют за низкий уровень бюджетного перераспределения и низкие налоги. Оказывается, экономическому измерению можно подвергнуть и такие антропологические и личностно-субъективные феномены человеческого бытия, как удовлетворенность жизнью или счастье.

Эконометрические методы, несмотря на субъективность, вариативность и зависимость от изменчивых ожиданий показателей счастья, все же позволяют зафиксировать, что именно самоощущаемое удовлетворение от жизни или счастье является наиболее близким аналогом функции полезности, или целевой функции экономических агентов. «Экономика счастья» устанавливает зависимость между увеличением доходов и ростом счастья, падением инфляции и несчастьем от роста безработицы и т. п. Установлено, например, что уровень счастья действительно растет по мере роста ВВП, что несчастные люди работают хуже¹¹.

В целях преодоления мирового кризиса следует опираться не только на методологические регулятивы современной науки в области междисциплинарного синтеза, но и на систему ее нравственных ценностей, поскольку именно в науке формируются *императивно-нравственные нормы, обогащающие стандарты современной общественной морали*. Наука является не только особым видом познавательной деятельности, направленным на формирование объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире, но и важным социальным институтом, обеспечивающим функционирование специфических норм и идеалов организации научно-исследовательского поиска.

---

¹⁰ Fehr, E., Schmidt, K. Theories of Fairness and Reciprocity – Evidence and Economic Applications // Advances in Economics and Econometrics – 8-th World Congress, Econometric Society Monographs. – Cambridge, 2002. – P. 93.

¹¹ Di Tella, K., McCulloch, R. Some Uses of Happiness Data in Economics // Journal of Economic Review. – 2006. – Vol. 96. – June. – P. 108.

Как особый социальный институт именно наука наилучшим образом обеспечивает должное, ответственное человеческое поведение, что является предметом анализа социальной этики. *Общественная мораль исследует нравственные компоненты и регулятивы науки, ее гуманистические приоритеты, ориентируя и другие феномены культуры на реализацию высоких нравственных идеалов.*

Наука является особой ценностью человеческой культуры, задающей гуманистический вектор ее развития, соединения идеалов добра, бескомпромиссности, сотрудничества и высоких помыслов. Фундаментально доминирующий статус науки в системе ценностей культуры обусловлен ее технологическим вектором, необходимостью синтеза научно-технического проектирования с теми социальными ценностями, которые сформировались в морали, искусстве, религии, философии. *В иерархии ценностей, к которым относится научная истина, равноценно с ней в современной науке выступают такие ценности, как благо человека и человечества в их единстве и взаимодействии, добро и мораль, и поиск научной истины «освящается» аксиологическим императивом: не увеличит ли новое знание риск существования и выживания человека, будет ли оно служить благу человечества, его интересам?»¹²*

Несмотря на распространенное мнение о том, что политика и нравственность несовместимы, что «политика – это грязное дело», ретроспективный анализ взаимоотношения морали и политики (в конституционально-содержательном, а не в хронологическом измерении) позволяет и здесь, в политике, увидеть тенденцию к взаимодействию морали и политики и выделить три основных модели взаимодействия между ними: *подчинение практической деятельности людей (в том числе и политической) морали, что характерно для христианских учений, в которых сформировались такие нравственные принципы и правила, как «не убий», «люби врагов своих как самого себя» и т. п.; для подходов гуманистов с их особым отношением к человеку как к высшей ценности мира и этикой ненасильственной борьбы за более справедливое общество. Следующая модель передает существенный разрыв между политикой и моралью, что отразилось в таких высказываниях, как «в политике нет морали, есть только интересы».* Наиболее четко данную систему взаимоотношения политики и морали представил Николо Макиавелли в своем труде «Государь». И третья модель характеризует *достижение разумного взаимодействия между политикой и моралью* (Кант, Гегель, В. С. Соловьев, М. Вебер и др.). Именно последняя – коммуникативная модель – должна быть актуализирована и востребована в современной ситуации поиска выхода из мирового кризиса. Ценностный и антропологический повороты в экономике, политике, науке задают сегодня мировоззренческий ракурс в исследовании механизмов мирового кризиса.

Свободный рынок и государственное регулирование в условиях кризиса

Эгоистично перекроив мир в интересах глобальных корпораций после «холодной войны», наиболее развитые страны лишили большую половину человечества нормального развития, породили всевозрастающую зависимость национальных экономик от глобальных финансовых рынков и транснациональных корпораций.

Американцы предложили миру собственное видение глобализации, основанное на присущей им трактовке свободы и непоколебимой вере в оптимальный характер рыночного регулирования. Новый подход предполагал, что инкорпорирование периферийных стран в систему международного разделения труда может

¹² Степин, В. С. Указ. соч. – С. 29. (Stepin, V. S. Op. cit. – P. 29).

стать оптимальной стратегией их ускоренного развития. Однако, несмотря на внешнюю логичность, подобный подход имел некоторые изъяны и в скрытом виде содержал в себе все основные пороки современного этапа глобализации и кризиса. Приток капиталов в развивающиеся страны, способный обеспечить их ускоренный рост, неизбежно предполагал, во-первых, выгодное использование западными предпринимателями существовавших между отдельными регионами мира различий и уже поэтому вряд ли мог стать реальным инструментом формирования экономически единого мира. Во-вторых, активизирующиеся инвестиционные и товарные потоки выступали теперь следствием действий частных компаний и не могли эффективно регулироваться, что заведомо делало весьма вероятными столь заявившие о себе сегодня финансовые кризисы. И, наконец, в-третьих, не имея возможности политически воздействовать на периферийные страны на регулярной основе, американцы перешли к тактике избирательного и точечного вмешательства. Постепенно это вмешательство идентифицировалось с изощренной защитой интересов американских корпораций и становилось еще одним поводом для доказательства грабительского характера «новой глобализации».

Главными недостатками современного этапа глобализации, с точки зрения В. Л. Иноземцева, являются, во-первых, очевидное отсутствие хозяйственной самодостаточности ее главного актора – США и, во-вторых, объективная неспособность большинства находящихся на противоположном полюсе развивающихся стран адекватно реагировать на современные вызовы¹³.

Особое беспокойство вызывает у ученого то обстоятельство, что Америка не только упорно избегает любой ответственности за происходящее, но даже категорически отказывается признать основания существования таковой. Американцы не видят ничего противоестественного в том, что США находятся в центре всех финансовых потоков современного мира. Но при этом они никак не могут свыкнуться с тем, что Америка становится основной мишенью для организаций экстремистского и террористического толка. Они верят в непогрешимость американской политики в тех условиях, когда практически весь мир убежден в том, что она притворна и лукава. Лидеры Соединенных Штатов постоянно обращаются к постулату о незыблемости принципа суверенитета, но находят казуистические поводы для его нарушений. Проповедую универсализм, они, тем не менее, все чаще придерживаются стратегии односторонних действий. Американцы рады притекающим в их страну деньгам, но отгораживаются таможенными барьерами от зарубежных товаров. Они провозглашают приверженность хозяйственной свободе, но не гнушаются произвольно накладывать на десятки стран экономические санкции.

Мировой экономический кризис требует отказаться от откровенного эгоизма развитых стран во имя разрешения собственных стратегических проблем, пересмотра приоритетов «свободного рынка». Свобода действий сильных мира сего, ориентация на коммерческий успех и выгодность любой ценой сегодня раздирает достаточно устойчивую до сих пор систему капитализма. Все более ясной становится необходимость обеспечения прозрачности динамики *спекулятивных потоков*, капиталов глобальных корпораций, создания ответственного, этически ориентированного наблюдательного и регулирующего органа, обеспечения открытости и прозрачности работы мирового рынка и МВФ, механизмов формирования структуры глобального регулирования (например, «Большой восьмерки» с включением в нее стран, ВВП которых не ниже нынешнего минимального ВВП Кана-

---

¹³ Иноземцев, В. Л. Прогресс и социальная поляризация в XXI столетии // Полис. – 2008. – № 6. – С. 48. (Inozemtsev, V. L. Progress and social polarization in the 21st century // Polis. – 2008. – No. 6. – P. 48).

ды) с принятием общепризнанных и обязательных для всех ее членов правил игры и принимаемых решений.

В условиях глобального кризиса, несомненно, важно искать механизмы установления как общеевропейской, так и мировой демократии, которая бы выступала не просто символом национальных демократий, а проявлением воли самих граждан, реального диалога различных интересов, идентичностей, глобальной ответственности, идеалов справедливости для всех и стремления к обеспечению блага для собственного этноса. Реалии жизни актуализируют проблему разрешения возникающих коллизий в национальных сообществах «здесь и сейчас»: как сохранить рабочие места в условиях кризиса, защитить интересы самых незащищенных социальных слоев, обеспечить стабильность и устойчивость общества и т. п. Проблема взаимоотношения глобального и локального, международного и национального погружается в реальную жизнь, когда особенно важны взаимодействия региональных органов, национальных государств и международных организаций для выработки совместных действий по преодолению кризиса, не ущемляющих ничьи государственные интересы. Запланированная на март 2009 г. встреча государств группы G20 должна предложить миру перспективы создания новой глобальной денежно-кредитной системы для минимизации негативных влияний отдельных экономик на мировую экономическую систему при увеличении мобильности капитала. Такие межгосударственные финансовые структуры, как Всемирный банк, Мировой валютный банк, Европейский банк реконструкции и развития и др., вынуждены будут пересмотреть свои функции, цели, механизмы функционирования. В этой же плоскости следует рассматривать и план совместных действий правительств Беларуси и России по минимизации последствий финансового кризиса, улучшению параметров платежного баланса, совершенствованию условий ведения предпринимательской деятельности и взаимной торговли, подписанный 30 января 2009 г. в Москве на заседании Совета Министров Союзного государства. В контексте стабилизации экономики и создания поливалютной зоны план предусматривает комплекс мер, направленных на расширение применения российского рубля (создание «рублевой зоны») во взаимных расчетах и создание системы доверия платежей, а также развитие взаимной торговли и взаимодействия субъектов хозяйствования реального сектора экономики, развитие банковского сектора и проведение согласованной курсовой и денежно-кредитной политики, улучшение параметров платежного баланса и совершенствование условий ведения предпринимательской деятельности и взаимной торговли, включая таможенно-тарифное регулирование.

На заседании союзного правительства были приняты прогнозные балансы спроса и предложения по важнейшим видам продукции Союзного государства на 2009 г. и балансы топливно-энергетических ресурсов. Они позволяют наиболее полно оценить потенциальные возможности производства и объемы потребления сырья, материалов и готовой продукции в различных секторах экономики обоих государств.

В условиях мирового кризиса не только на глобальном, но и на локально-национальном уровне возрастает роль регулирующего центра, в лице которого выступает государство. «Когда либерализованный рынок исчерпал себя, – отмечает М. Делягин, – США упрямо держались за либеральные догмы, забывая слова величайшего из своих президентов Ф. Д. Рузвельта о том, что капитализм – исключительно устойчивая система, разрушить которую может только свобода действий самих капиталистов»¹⁴. Поощрение основанной на конкуренции рыночной

¹⁴ Делягин, М., Николаевский, В. Указ. соч. – С. 79. (Delyagin, M., Nikolaev, V. Op. cit. – P. 79).

системы путем ограничения роли государства и расширения господства конкурирующего индивидуума ставится сегодня под вопрос. Роль государственного регулирования и управления экономикой на самом деле при переходе к рынку отнюдь не снижается, а во многих отношениях даже возрастает, ибо государство должно взять на себя принятие решений, которые необходимы обществу.

Задача состоит в том, чтобы найти оптимальную меру и наиболее эффективные формы государственного регулирования экономики, которые, не разрушая ее рыночную природу, в то же время обеспечили бы рыночной экономике максимальную социальную эффективность и нравственные ориентиры.

В контексте современных глобальных процессов в экономике, политике, науке, культуре актуализируется проблема общественной морали, сопровождающаяся кризисом нравственных стереотипов и стандартов классической эпохи, переосмыслением ее оснований, моральных установок отдельных индивидов и феноменов культуры, механизмов национальной самоидентификации. Возникает *потребность в институционализации общественной морали*, появляются новые институты морали – этические комитеты по этике и биоэтике, комиссии по экологии, комиссии по этической оценке и экспертизе научных проектов, советы по корпоративной и профессиональной этике и т. д. «Проблема институтов как фактора действенности морали с особой остротой, – замечает Р. Г. Апресян, – проявилась в связи с обсуждением более специального вопроса о функционировании корпоративных и профессиональных моральных комплексов, в том числе конфиденциальных»¹⁵. Формируется своего рода социальный заказ на разработку регулятивов общественной морали и нравственных норм в самых различных областях культуры.

Глобализация мировой истории, степень ответственности принимаемых на локальном и международном уровнях решений актуализируют сегодня необходимость *разработки принципов моральной регуляции общественных отношений, отношений между отдельными государствами, сообществами, социальными группами*. В рамках новой общественной морали формируются дискурсивные этики, позволяющие, в отличие от универсалистской этики, членам сообщества включаться в обсуждение с целью защиты своих интересов, поддержания своей идентичности и партнерского взаимодействия. В социальной этике весьма важно отношение общества к личности, к членам сообщества, к институтам власти.

Общественная мораль в своей исторической динамике и взаимодействии с различными феноменами культуры обогащается ценностными и нравственными регулятивами, задавая образцы и стратегии моральных стандартов социального действия и принятия решений в различных сообществах. На современном этапе возникает реальная возможность *синтеза различных подходов, наработанных в сфере осмысления нравственных поворотов, происходящих в политике, праве, науке, социальных мифологиях, национальных и глобализационных процессах с целью формирования фундаментальной общественной морали, задающей идеалы ценностного поведения личности и общества*¹⁶.

Таким образом, философско-методологический анализ современного мирового кризиса и трансформационных процессов высвечивает, с одной стороны, *комплекс социально-экономических проблем в контексте глобализации, связанных с*

¹⁵ Апресян, Р. Г. Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // Вопросы философии. – 2006. – № 5. – С. 14. (Apresyan, R. G. The notion of public morality (experience of conceptualization) // Philosophical Questions. – 2006. – No. 5. – P. 14).

¹⁶ Яскевич, Я. С. Философия и методология науки. – Минск, 2007. – С. 330. (Yaskevich, Ya. S. Philosophy and methodology of science. – Minsk, 2007. – P. 330).

переосмыслением роли государственного регулирования и «свободного рынка», статуса глобальных финансовых структур и глобального регулирования, с другой стороны, *проблему ценностно-революционного переосмысления современного мироустройства*, влекущего за собой поиск путей сосуществования в рамках альтернативных взглядов и подходов, решения глобальных проблем, воспитания человечества в духе толерантности, взаимоуважения, диалога культур и терпимости по отношению друг к другу, открытой коммуникации, веры в рациональное начало, плюрализма мнений, гибкой, а не силовой стратегии решения конфликтов, преодоления эгоизма и забвения общечеловеческих норм поведения и социального действия. Междисциплинарно-методологический синтез по осмыслению этих двух векторов экспансии мирового кризиса – экономического и ценностно-мировоззренческого – позволяет выявить его предпосылки, закономерности и регулятивы, разработать социально-экономические прогнозы и ожидания.